

презент, пароль (обещание, «слово») и мн. др.¹ Нам придется еще коснуться этого аргумента при критике понятия „петровская повесть“, а сейчас мы отметим только, что после работ Л. Н. Майкова и В. В. Сиповского термин „петровская повесть“, соответствующий определенному научному понятию, прочно вошел в литературоведческий обиход и отразился даже в школьной практике как дореволюционной, так и послеоктябрьской, как в средней, так и в высшей школе. Не только программы вузовских курсов по истории русской литературы XVIII в. систематически пользуются термином „повесть (иногда: беллетристика) петровского времени“,² но и учебники для высших учебных заведений по тому же курсу, и научно-обобщающие труды вроде „Истории русской литературы“ Академии Наук (т. III) без малейших колебаний употребляют термин „петровская повесть“, упрочивая и поддерживая своим авторитетом фикцию, возникшую на определенном этапе научного развития. Как бывает во многих случаях, это понятие на известном отрезке истории науки было полезно, но в дальнейшем оно сделалось уже тормозом для более правильного и углубленного изучения материала.

Это тем досаднее, что уже четверть века назад была сделана попытка отнестись более внимательно к хронологическому приурочению некоторых из повестей, относимых к группе „петровских“. Я имею в виду одно место во „Введении в историю старорусской повести“ Н. К. Пиксанова. Вот что читаем мы там: „Кстати: обсуждая хронологическое приурочение русской повести о Париже и Вене, проф. Шляпкин находит, что «перевод несколько позднее 1725 г. и относится ко времени Анны Иоанновны» (что и правильно), но тут же считает ее «образчиком конца петровской эпохи», т. е. дает термину «петровская эпоха» расширительное понимание. Несомненно, многие повести так называемой «петровской эпохи» относятся ко времени Анны Иоанновны, даже Елизаветы Петровны. Пора отрешиться от злоупотребления термином «петровская эпоха» (им злоупотребляют и в учебниках, — напр. Саводника, и в университетских курсах, — напр. Петухова) и пользоваться в соответствующих случаях термином «аннинское время», как следует употреблять термин «алексеевское время» — на одинаковых правах с «петровским», «елизаветинским», «екатерининским». Аннинское время имеет свои заметные своеобразия и, в частности, для русской рукописной повести, как и для театра, является характерной, легко ощутимой эпохой“.³

Прекрасный знаток литературы XVIII в., Н. К. Пиксанов правильно заметил путаницу, возникшую в результате некритического употребления

¹ Там же, стр. LI.

² Ленингр. Гос. университет. Филологический факультет. Программы по истории русской литературы для II, III и IV курсов на 1939—1940 учебный год. Л., 1939, стр. 8; то же на 1940—1941 учебный год. Л., 1941, стр. 6; Всесоюзный Комитет по делам высшей школы при СНК СССР. Программа по курсу „Русская литература XVIII века“. М., 1940, стр. 4; Министерство Высшего образования СССР. Программа по курсу „Русская литература XVIII века“. М., 1946, стр. 4.

³ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. М. — П., 1923, стр. 28.